

ИСТОРИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В БИОГРАФИЯХ ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ

ОТ
ШЕЛКА
ДО
КРЕМНИЯ

**10 ЛИДЕРОВ, КОТОРЫЕ
ОБЪЕДИНИЛИ МИР**

ДЖЕФФРИ ГАРТЕН

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Оглавление

Введение	10
Глава I. Чингисхан	15
<i>Человек, который случайно построил империю</i> 1162–1227	
Глава II. Энрике Мореплаватель	47
<i>Первым постигший премудрости географических открытий</i> 1394–1460	
Глава III. Роберт Клайв	75
<i>Ловкач, захвативший Индию для Британской империи</i> 1725–1774	
Глава IV. Майер Амшель Ротшильд	115
<i>Крестный отец международной банковской системы</i> 1744–1812	
Глава V. Сайрус Филд	149
<i>Магнат, протянувший кабель между континентами</i> 1819–1892	
Глава VI. Джон Рокфеллер	187
<i>Гигант, основавший топливную отрасль и заложивший основы международной благотворительности</i> 1839–1937	
Глава VII. Жан Монне	223
<i>Дипломат, преобразивший Европу</i> 1888–1979	
Глава VIII. Маргарет Тэтчер	267
<i>Железная леди, возродившая свободный рынок</i> 1925–2013	

Глава IX. Эндрю Гроув	309
<i>Человек, стоявший за третьей промышленной революцией</i> 1936–2016	
Глава X. Дэн Сяопин	351
<i>Прагматик, перезапустивший Китай</i> 1904–1997	
Глава XI. Все лучшее — впереди	389
Послесловие	407
Примечания	410
Библиография	434
Благодарности	472
Об авторе	474

Глава VIII

Маргарет Тэтчер

*Железная леди, возродившая
свободный рынок*

1925–2013

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Десятилетняя девчушка с короткими светлыми волосами, зачесанными набок и открывающими свежее личико, складывала ярко-красные предвыборные листовки, бегала туда-обратно от штаба Консервативной партии к избирательному участку и передавала взрослым все, что услышала. Это было 14 ноября 1935 года, день выборов в Англии, и Маргарет помогала своему отцу Альфреду Робертсу представлять кандидата-консерватора из их родного городка Грантема¹.

Годы спустя Маргарет Робертс станет Маргарет Тэтчер, первой женщиной премьер-министром в истории Великобритании и лидером крупной промышленно развитой демократии. Но этим ее исключительность не ограничивается. Тэтчер была одной из самых ярких сторонниц либерализации торговли и инвестиций, приватизации государственных компаний, слияния рынков и уменьшения влияния профсоюзов. То есть всего того, что служит развитию глобализации. Чтобы оценить тот вклад, который Маргарет Тэтчер внесла в построение взаимосвязанного мира, следует разобраться, что означало освободить рыночные силы от административного контроля. До того как Тэтчер заняла пост премьер-министра, государству принадлежало множество предприятий в телекоммуникационной, энергетической

и транспортной отраслях. Все они получали поддержку от государства и в большинстве своем были закрытыми монополиями, поэтому не испытывали необходимости становиться современнее и привлекательнее для потребителя или выходить на международный уровень, чтобы конкурировать и развиваться. Как только предприятия были приватизированы — переданы частным владельцам, — срочно потребовалось глобализировать их деятельность, чтобы повысить рентабельность. Правительство Тэтчер смягчило правовые нормы, ограничивавшие деятельность лондонского Сити, что привело к созданию более конкурентоспособного финансового центра, отчасти потому, что теперь британские банки могли свободно вступать в партнерские отношения с иностранными компаниями. В качестве третьего примера можно привести результат, к которому привела атака Тэтчер на профсоюзы. Как только профсоюзы лишились большей части своих полномочий, занятому населению, чтобы выжить, пришлось становиться более конкурентоспособным, тем более что правительство придерживалось идей фритредерства*.

Все эти меры стали фактором глобализации экономической деятельности Англии. Однако, как и некоторые другие герои этой книги, Маргарет Тэтчер своей деятельностью сломала немало человеческих судеб. Тэтчеризм привел к уничтожению многих сообществ, обнищанию многих людей и к резкому росту неравенства в обществе, и без того одержимом классами, где богатые образованные люди со связями получали больше преимуществ, чем все остальные.

С определенного момента жизнь Тэтчер обросла мифами, в одном из которых бакалейная лавка ее отца представляла хрестоматийным

---

* Фритредерство — направление в экономической теории, политике и хозяйственной деятельности, провозглашающее свободу торговли и невмешательство государства в частнопредпринимательскую сферу жизни общества. *Прим. ред.*

капиталистическим предприятием, где владельцы боролись за прибыль, чтобы выжить. Чтобы получить эту прибыль, им приходилось соответствовать предпринимательским идеалам: тяжело работать, вести счета и налаживать добрые отношения с покупателями. Успехи и неудачи магазина, если не считать нормирования в военное время и пошлин на импорт, мало зависели от правительства. Магазинчик отца на углу улицы в Грантеме стал таким же символом, как бревенчатый домик Авраама Линкольна².

Вспоминая отца, Тэтчер всегда говорила о колоссальной роли, которую он сыграл в ее жизни, тогда как образ матери, хорошей домохозяйки, не оставил ярких воспоминаний. «[Отец] говорил мне, что сначала нужно выяснить, во что веришь, — рассказывала она. — А затем воплощать это. И не идти на компромисс в том, что важно»³. Когда у Альфреда было время, он занимал различные административные посты — работал олдерменом*, мэром, председателем торговой палаты и Ротари-клуба, — поэтому интерес к общественной работе передался дочери. Молодая Маргарет была сильно впечатлена работой отца в Ротари-клубе, где он организовывал кампании для помощи нуждающимся, и с тех пор частную благотворительность считала лучше прямой государственной помощи бедным.

Альфред был набожным методистом, и жизнь семьи вращалась вокруг церкви. Тэтчер проводила там почти каждое воскресенье. Спустя годы она говорила, что для отца вера была вопросом выбора между правильным и неправильным. «Были какие-то вещи, которые мы просто не делали, — вспоминала она. — Понятие долга было очень-очень

---

* Олдермен — до принятия парламентом Великобритании в 1972 году Закона о местном самоуправлении олдерменом называли старшего советника, избираемого на шесть лет из числа членов совета графства или города путем непрямых выборов. Олдерменов, как правило, советники избирали из своей среды. *Прим. ред.*

крепко в нас укоренено. Долгу перед церковью, долгу перед соседями и доброй совестью всегда придавалось большое значение»⁴.

Тэтчер росла в атмосфере жертвенности и мужества, сформировавшейся в Британии за годы Второй мировой войны. С четырнадцати лет в ее распорядок дня входили регулярные отключения электричества и надевание противогаза под вой сирен. Во время войны бомбы, сброшенные на фабрики Грантема, убили около семидесяти человек, и около двухсот получили ранения. В то время как многие жители города хотели, чтобы Великобритания вышла из войны, Альфред Робертс считал необходимым перевооружение для защиты империи, которую считал оплотом законности и порядка. Он скептически относился к Лиге Наций и утвердился в своем мнении, когда та не смогла предупредить возвышение Гитлера. Его дочь будет согласна с ним практически во всем, когда ей представится возможность, станет проводить жесткую внешнюю политику.

«Борьба двух укладов»

В октябре 1944 года Маргарет поступила в Оксфордский университет, чтобы изучать химию. Она вступила в Учебную группу методистов и в Ассоциацию консервативной партии Оксфордского университета, где в кругу единомышленников получила первые представления о политике. Когда в 1945 году закончилась война, Лейбористская партия подвергла серьезным нападкам консервативное правительство Уинстона Черчилля, утверждая, что измотанная войной Британия может вернуться в состояние упадка 1930-х годов. Лейбористы считали, что единственный способ восстановить разрушенные города и покончить с послевоенным дефицитом жилья и рабочих мест можно, только если поставить экономику и ключевые отрасли промышленности под

контроль государства. Консерваторы были против подобного усиления государственной власти, но они тем не менее признавали важность роли государства и на тот момент с трудом отличали себя от лейбористов.

У Маргарет такой проблемы не было. Уже в студенческие годы она выделялась способностью с пылом и убежденностью объяснять идеи, присущие консерваторам. Предвосхищая спорные вопросы, которые ей придется разрешать на протяжении всей карьеры, она отвергала социализм, государственный контроль над промышленностью и общественными учреждениями и профсоюзы, как ей казалось, пагубно влияющие на национальную политику. Она была пламенным патриотом, как и ее отец, и считала, что у Великобритании великая роль в мире, несмотря на то, что страна переживала не лучшие времена: ее финансовое положение было ослаблено войной, а военное влияние затмили США и СССР.

В университете Маргарет принимала участие в студенческих дебатах и часто ездила в Грантем, чтобы воодушевить ждущих новостей из мира большой политики местных жителей. Она брала уроки ораторского мастерства. Много с упоением читала⁵. Ее идеи обретали форму благодаря классикам консервативной мысли: «Дороги к рабству» Фридриха Хайека с его неутешительным прогнозом будущего социализма; «Имперского содружества» лорда Элтона, с оптимизмом смотрящего в будущее Британской империи; и романа Артура Кестлера «Слепящая тьма» о жестоких реалиях советского коммунизма.

В 1947 году Маргарет получила диплом и нашла работу химика-исследователя. Затем она устроилась в исследовательский отдел компании J. Lyons & Co. в Хаммерсмите, где работала над улучшением вкусовых качеств мороженого и начинок для пирожных. Все вечера и выходные она посвящала политике. В 1948 году в ее политической жизни случился первый прорыв, когда на съезде Консервативной партии в уэльском Лландидно она познакомилась с председателем местной ассоциации

Джоном Миллером. Он искал человека, который мог бы баллотироваться в парламент от его округа — Дартфорда. Много лет подавляющее большинство жителей Дартфорда голосовали за лейбористов, и Миллер искал деятельного молодого кандидата, который, по меньшей мере, сможет провести убедительную кампанию. Маргарет Робертс проиграла выборы в 1950 году, а затем и в 1951-м, но поразила всех своими идеями и энергией. Она спала по четыре часа в сутки, но зато успевала посмотреть, как работает продавец в магазинах и рабочим на фабриках. Она хотела побывать везде, познакомиться с каждым, делала всё, чтобы привлечь внимание общественности, даже переодевалась в официантку, чтобы попасть в мужские клубы, где ее, разливавшую пиво, фотографировали для газет⁶.

Темы агитационных выступлений Маргарет Робертс в 1950–1951 годах практически не отличались от того, что она говорила три десятилетия спустя на посту премьер-министра⁷: предложения лейбористов угрожают британскому укладу жизни; социальное государство лишает граждан их естественного желания быть самостоятельными; управление экономикой похоже на управление домашним хозяйством — расходы должны соответствовать доходам, только и всего; Британскую империю нужно сохранить; фунт стерлингов нужно укрепить; «величие» Британии нужно вернуть. Вот одно из ее типичных выступлений:

«Мы вступаем в одну из величайших схваток, которые видела наша страна, — борьбу двух укладов жизни, один из которых ведет к рабству, другой — к свободе. <...> В 1940 году не крик о национализации поднял страну на борьбу с тоталитаризмом. Это был зов свободы и права»⁸.

Во время первой дартфордской кампании Маргарет познакомилась с бизнесменом Денисом Тэтчером, наследником процветающего

химического бизнеса. У них совпадали взгляды на политику и во многих других сферах. 13 декабря 1951 года они поженились. Тэтчер долгое время продолжала работать в J. Lyons & Co., чтобы иметь возможность изучать право по вечерам. В январе 1954 года, спустя месяц после рождения двойни, она стала практикующим адвокатом. Хороший доход мужа позволил ей нанять помощниц по хозяйству для воспитания детей и полностью посвятить себя карьере. «Браки свершаются на небесах, а деньги должны делаться на земле»⁹, — сказала она однажды. В 1956 году Тэтчер решила снова пойти в политику, но ей понадобились еще два года, чтобы получить место от консерваторов в Финчли, зажиточном квартале на севере Лондона. Эта кампания добавила новые принципиальные положения в ее политическую программу, в том числе призыв снизить налоги, чтобы стимулировать рост благосостояния, и осуждение выделения государственных субсидий промышленникам как нравственно недопустимого в сложной ситуации.

Убежденным консенсус не нужен

В возрасте тридцати четырех лет она легко получила место в Финчли, и ее карьера пошла в гору. 5 февраля 1960 года Тэтчер выступила с первой речью в парламенте, представив законопроект, расширявший доступ СМИ на местные правительственные заседания. Она говорила полчаса, приводя на память множество фактов и цифр с той же энергией и напором, которыми будут сопровождаться все ее выступления в парламенте.

С лета 1961 года Маргарет Тэтчер сменила несколько государственных постов. При Гарольде Макмиллане она работала младшим министром пенсий и национального страхования. На этом посту она своими глазами увидела, насколько сложная бюрократическая структура

обслуживает сферу социальной защиты населения. В теневого кабинета премьер-министра Гарольда Вильсона, вступившего в должность в 1964 году, она занимала посты в отделах социальных пособий, финансов, жилищных условий, транспорта, образования и науки, получив опыт в управлении и исключительные навыки проработки программ. Готовясь к обсуждению законопроекта лейбористов о налогах, Тэтчер изучила все доклады о бюджете и все финансовые законопроекты за последние десять лет. Она пришла в палату общин подготовленной гораздо лучше своего оппонента и публично разнесла его в прах за то, что он разбирался в политике своего правительства хуже, чем она. Ее биограф Джон Кэмпбелл писал: «Сила, которая преобразовывала британскую политику на протяжении последующих двадцати лет, крылась в уверенности миссис Тэтчер в том, что политика — это арена борьбы принципиально противоположных философий, в ее презрении к малодушным людям и категоричном мнении, что партии с четкой философией для исполнения своей программы требуется исключительно „достаточное“ большинство, а не приемлемый „консенсус“»¹⁰.

Консерваторы выиграли выборы в 1970 году и собирались вернуться к власти с Эдвардом Хитом в роли премьер-министра, но его четырехлетний срок стал полным провалом. Хит вступил в должность, обещая покончить с прошлым и проводить настоящую консервативную политику. Как и президент Ричард Никсон, он обещал сократить правительство, но в итоге оно стало только больше. Он обещал значительно урезать государственные расходы, уменьшить влияние профсоюзов и снизить государственное финансирование разваливавшихся промышленных предприятий, но ничего из этого не сделал. По факту он пытался восстановить экономику за счет дефицитного финансирования, поддержки слабых предприятий и уступок требованиям профсоюзов. В тщетной попытке сдержать инфляцию он разработал директивы

по формированию зарплат и цен. В глубине души Хит больше хотел наладить управление системой, чем менять ее¹¹. Средства массовой информации называли каждое его действие «кардинальной сменой курса», что приводило в бешенство правое крыло Консервативной партии, и больше всех Тэтчер. Ее до глубины души возмущала политика Хита, который не смог твердо противостоять социализму и внятно представить консервативные ценности¹².

Часть консерваторов собиралась для обсуждения правительственных проектов в Институте экономических отношений. Они требовали пересмотреть основные направления экономического курса. Громче всех высказывался Кит Джозеф, член аппарата Хита, который уже не раз выдвигал четкие предложения по изменению ряда политических мер. «Мы [в Великобритании] сейчас во многих отношениях бóльшие социалисты, чем любая другая развитая страна вне коммунистического блока — по размеру бюджетного сектора, степени государственного контроля и так далее. <...> Мы унаследовали смешанную экономику, которая становится все более хаотичной, пока мы изо всех сил стараемся запустить в стране полусоциализм»¹³. Хотя целью этой испепеляющей критики был сам Хит, он, казалось, был готов прислушаться и попросил Джозефа учредить Центр политических исследований. Джозеф пригласил Тэтчер на должность вице-председателя, и она согласилась, что стало первым знаком ее готовности бросить вызов премьер-министру, который теперь был ее непосредственным руководителем¹⁴.

Хит назначил Тэтчер министром образования и науки, и она с головой окунулась в новые обязанности, сводя с ума подчиненных своей дотошностью и властным характером. Она настаивала на прочтении и редактировании каждого документа, вышедшего до нее, и при первой возможности обрушивалась на сотрудников с критикой. Один из ее подчиненных вспоминал, что выходил с ее совещаний «выжатый

как лимон». Еще один отзывался о ней так: «Она — палач. Делает вывод о человеке за десять секунд и вряд ли его уже изменит. Только откроешь рот, тут же получишь какой-нибудь ярлык». Последнее слово всегда должно было оставаться за Тэтчер. Если она проигрывала в споре по одному вопросу, то переключалась на другой. С другой стороны, она умела быть любезной: могла приготовить кофе на всех, а то и ужин, если работа затягивалась допоздна¹⁵.

За четыре года работы в кабинете министров самый тяжелый урок Тэтчер вынесла из скандала, который разразился после ее предложения отменить выдачу бесплатного молока школьникам. Несмотря на то что она приводила в исполнение указ Хита о сокращении расходов и реализовывала программу своего предшественника-лейбориста, предусматривавшую экономию восьми миллионов фунтов стерлингов за счет отмены бесплатной раздачи молока детям в возрасте от семи до одиннадцати лет, противники Тэтчер сразу же нарисовали образ матери, отказывавшей детям в молоке. Один из членов парламента от Лейбористской партии сказал, что Тэтчер «для британского образования что Атилла для западной цивилизации»¹⁶. Таблоид Sun назвал ее самой нелюбимой женщиной Британии¹⁷, а авторы заголовков шутили о «Тэтчер — похитительнице молока». Критика была настолько громкой, что ее муж Денис предложил задуматься об уходе из политики. Тэтчер снесла обиду. «Заковали мою душу в железо»¹⁸, — вспоминая о том случае, процитирует она позже библейские строки. Этот скандал подготовил Тэтчер к намного более крупным разногласиям, которые не раз возникнут за время ее премьерства.

Тэтчер преодолела эту ситуацию во многом благодаря тому, что премьер-министр Хит был на ее стороне. Однако правительство Хита уже было смертельно ранено кардинальными сменами курса, к тому же страна ослабевала от растущей безработицы, забастовок рабочих, резкого роста цен на нефть и инфляции. Однако даже после того, как

консерваторы проиграли выборы в марте 1974 года, Хит отказался покинуть пост партийного лидера, и вскоре правое крыло партии откажется его поддерживать.

«Безнадежная затея»

Первый удар Хит получил не от Тэтчер, а от Кита Джозефа, который в одной из своих речей намеренно обмолвился о том, что британское правительство должно снять с повестки дня борьбу с безработицей, на которую ушли многие годы. Страна переживала долгий период упадка и видела толпы потерявших надежду безработных, поэтому каждое послевоенное правительство, будь то лейбористы или консерваторы, следовало предписаниям экономиста Джона Мейнарда Кейнса, который утверждал, что в трудные времена власть должна стимулировать рост, создавая рабочие места, даже если для этого приходится влезать в долги. Джозеф отверг принцип Кейнса, заявив, что государственные расходы лишь ускоряют рост бюджетного дефицита, истощают размер ссудного капитала и увеличивают процентные ставки для частного бизнеса — а бизнес как раз и является настоящим источником рабочих мест. Хуже того, государственные дотации неэффективным предприятиям с низкой производительностью окажут обратный эффект: приведут к инфляции, подорвут экономический рост, и тонущим предприятиям будет еще сложнее погасить свои долги. Новый подход, по мнению Джозефа, должен был заключаться в борьбе с инфляцией за счет регулирования денежного обращения, сокращения государственных займов и дефицита, что, в свою очередь, должно было высвободить капитал на поддержку частного предпринимательства. Он уверял, что в новой динамичной экономической среде, созданной консерваторами, конкурентоспособный частный сектор будет процветать и создавать рабочие места.

Когда Джозеф решил потеснить Хита с места партийного лидера, Тэтчер согласилась вести его кампанию. Однако спустя несколько недель Джозеф выступил с речью о проблеме подростковой беременности, которая была настолько неполиткорректной, что реакция общественности вынудила его снять свою кандидатуру с выборов. Тэтчер сказала мужу, что хочет предпринять попытку вытеснить Хита самостоятельно, на что Денис ответил: «Ты сошла с ума. Это безнадежная затея»¹⁹. И тем не менее 25 ноября 1974 года Тэтчер пришла к Хиту, чтобы сообщить, что вступает с ним в политическую борьбу.

Как и Денис Тэтчер, многие консерваторы считали, что у Маргарет нет шансов, поэтому они начали прикладывать усилия, чтобы заблокировать ее кандидатуру. Противники раскопали старое интервью, в котором Тэтчер говорила, что она сделала запас консервов на случай крайней необходимости и советовала всем домохозяйкам последовать ее примеру. Это дело повернули так, будто она тайно запасает продовольствие. Газеты тиражировали ложные обвинения в том, что Тэтчер скупает весь сахар, который в то время был в дефиците. Эта грязная кампания, напоминая скандал с «похитительницей молока», прекратилась, лишь когда выяснилось, что магазина, в котором якобы закупалась Тэтчер, вовсе не существовало. Позднее Тэтчер вспоминала, что была настолько сильно обижена, что у нее практически на глаза наворачивались слезы и сжимались от ярости кулаки, и тем не менее она сказала другу: «Я видела, как они уничтожали Кита [Джозефа]. Что ж, меня им не уничтожить»²⁰.

В начале января 1975 года Тэтчер начала кампанию против Хита с самого главного — со слов о том, что британский народ пришел к выводу, будто «слишком многие консерваторы уже превратились в социалистов», и что у нее почти не осталось оснований «поддерживать партию, которой не хватает смелости иметь убеждения»²¹. Она сразу же обнародовала свои

базовые взгляды: обеспечить индивидуальную свободу, противодействовать чрезмерной государственной власти, дать право трудолюбивым и хозяйственным людям пользоваться плодами своего успеха и передавать их своим детям, обеспечить право граждан работать без притеснений со стороны руководства или председателя профсоюза. В то же время Тэтчер старалась смягчить свой образ. На телевидении и в прессе она представляла в роли практичной домохозяйки. На совещаниях с коллегами-парламентариями начала интересоваться их мнением и внимательно выслушивать чужую точку зрения. 11 февраля 1975 года Тэтчер одержала уверенную победу над Хитом и стала первой женщиной, вставшей во главе крупной западной политической партии. Daily Telegraph выражал точку зрения многих представителей потрясенной политической элиты, когда писал:

«Каким руководителем окажется миссис Тэтчер, еще предстоит выяснить <...>. Но она придает большое значение упорному труду и хорошей награде за успех. Имея скромное происхождение, она преуспела благодаря своим усилиям, способностям и смелости. У нее нет унаследованных богатств или привилегий. Ей не приходится мучиться роковым и часто встречающимся чувством вины за большое состояние <...>. А это как раз одна из причин, по которой Великобритания зашла так далеко по пути коллективизма. Что миссис Тэтчер следовало бы сделать, так это придать недостающий *нравственный* аспект нападкам тори на социализм»²².

Именно это она и собиралась сделать.

Маргарет Тэтчер в роли теневого премьер-министра руководила оппозиционной деятельностью Консервативной партии, а экономика страны тем временем рушилась. Все ее предостережения о вреде социализма начали сбываться: критики называли Великобританию серой посредственностью и сравнивали с корпоративистским государством

Восточной Германии; инфляция приближалась к 25%; забастовки рабочих становились все чаще, а их требования — все жестче; предельная ставка налога достигала 98% для самых богатых британцев, полностью подавляя индивидуальную инициативу. Тэтчер налаживала отношения с миллионами граждан, которым надоела удушающая бюрократия и политика компромиссов и которые поголовно соглашались с ее мнением, что упадок Великобритании вызван принятием аморального социализма. Однажды она присутствовала на совещании, где обсуждался вопрос о том, что Консервативной партии следовало бы встать на центристский путь между обычными британскими компромиссами. Тэтчер громко запротестовала и, швырнув на стол «Конституцию свободы» Хайека, который предлагал бескомпромиссный взгляд на консервативную философию, заявила: «Вот во что мы [консерваторы] верим»²³.

Тэтчер была сильным политиком и на мировой арене²⁴. В период с 1975 по 1979 год она дважды посетила США, получив широкую известность как сторонник «особых отношений» между Великобританией и Соединенными Штатами Америки, выросших из альянса во время Второй мировой войны, и как открытый сторонник идеи о том, что главной целью союзников отныне должно стать устранение (а не просто сдерживание) коварной угрозы марксистского социализма и ее источника — Советского Союза. 19 января 1976 года она осудила экспансионистские замыслы советского тоталитаризма в отношении Восточной Европы и развивающихся стран Азии и Латинской Америки. В ответ на это советская газета «Красная звезда» назвала Тэтчер «железной дамой»^{25*}. На радость британцам это прозвище прочно закрепилось, исключив любые подозрения в ее слабости. Позднее она скажет, что СССР этим оказал ей «величайшую услугу»²⁶.

---

* Статья называлась «Железная дама страшает». Позже в английской прессе ее заголовки перевели как «Железная леди», именно в таком виде прозвище и закрепилось. *Прим. ред.*

Тэтчер собрала вокруг себя самых опытных имиджмейкеров, чтобы выглядеть в СМИ, с одной стороны, жестким, но не пугающим лидером, контролирующим программу Консервативной партии и способным возглавить правительство, когда придет время, а с другой — домохозяйкой, не забывающей о заботах обычных людей. Тэтчер наняла опытного драматурга Рональда Миллара, чтобы тот помог ей отточить слог. На первой встрече он привел ей несколько цитат Авраама Линкольна:

Нельзя усилить слабого, ослабляя сильного.

Нельзя породить процветание, порицая бережливость.

Нельзя улучшить положение работника, ухудшая положение его работодателя.

Тэтчер достала из сумки пожелтевшую газетную вырезку с этими же словами, добавив: «Всегда ношу их с собой»²⁷.

Ее советники режиссировали публичные появления, чтобы в вечерних новостях цитировались ее хлесткие реплики²⁸. Они помогали ей создавать образ дочери бакалейщика, домохозяйки, которая покупает продукты для семьи и каждое утро готовит мужу завтрак, женщины со скромным достатком, которая благодаря своему труду взошла на самый верх социальной и политической лестницы. Она прислушивалась к стилистам в выборе гардероба, занималась с преподавателем, чтобы исправить манеру речи, приобретенную в Оксфорде. Эти азы любой современной политической кампании, хотя и были известны в США, в чопорной политической среде Великобритании были в то время совершенно новыми и окупались сторицей. Таблоиды стали называть ее не только Железной леди, но и просто «Мэгги».

При лейбористском премьер-министре Джеймсе Каллагэне Британия переживала кризис за кризисом. В 1976 году инфляция и безработица привели к серьезному валютному кризису, который вынудил

Каллагэна с позором обратиться в Международный валютный фонд с просьбой о займе для поддержки британского фунта. Не прошло и двух лет, как Каллагэн снова был вынужден просить МВФ о помощи: на этот раз причиной займа было резкое сокращение государственных расходов и уменьшение денежной массы (за подобную программу выступали правые консерваторы). К концу 1978 года процентные ставки составляли 16%, инфляция — 20%, производство остановилось, а число безработных превысило миллион человек²⁹.

Но худшее было еще впереди: наступила «зима недовольства», когда страна оказалась парализована крупнейшими за последние полвека забастовками. Прекратили работать медики, мусорщики, дальнобойщики, портовые и железнодорожные служащие и даже могильщики — казалось, что страна вышла из-под контроля лейбористов. Возмущенные подданные надеялись, что консерваторы спасут Британию, казалось, от необратимого спада, и в апреле 1979 года обеспечили Тэтчер и ее партии блестящую победу в выборах. Эта победа кардинально изменит курс государства. «Знаете, — сказал Каллагэн после поражения, — бывают времена, возможно, каждые тридцать лет, [когда] политике нужны кардинальные перемены. И тогда неважно, что вы говорите или делаете. В обществе происходит смена желаний и объектов одобрения. Думаю, настала пора кардинальных перемен — пора миссис Тэтчер»³⁰.

«Не говорите мне, что делать, я сама знаю. Лучше скажите, как»

Тэтчер понимала, что возрождение экономики — необходимый шаг на пути к достижению ее самой заветной цели: восстановлению мирового статуса Великобритании. Экономическая сила страны была обязательным условием для сохранения роли старшего европейского

партнера США, для защиты от советской экспансии и становления в качестве ключевой фигуры Европейского сообщества (которое пришло на смену Общему рынку и впоследствии стало Европейским союзом). Великобритания вошла в Европейское сообщество в 1973 году, и, хотя Тэтчер поддержала этот шаг, она всегда хотела ограничить власть Европы и довести до максимума количество решений, принимаемых страной самостоятельно. Несмотря на мрачное экономическое состояние, Тэтчер считала, что всего этого вполне реально достичь. Не так давно Великобритания обнаружила нефть в Северном море, и Тэтчер решила, что эта внезапная удача позволит снизить зависимость от импорта нефти, а также сократит расходы британских предприятий на электроэнергию, а значит, сделает их товары более конкурентоспособными на мировом рынке. Не менее важным ей казалось и то, что государство придерживается политики, которая четко ведет его в новом направлении. «Раньше мы преувеличивали нашу власть, — писала она в мемуарах, — теперь же мы преувеличивали бессилие»³¹.

В 1970-х годах бóльшая часть Запада страдала от тех же экономических потрясений, которые угрожали пустить под откос Британию. В 1971 году Вашингтон отменил «золотой стандарт», и стоимость основных валют начала колебаться, провоцируя нестабильность во всем мире. Через два года арабские производители нефти ввели эмбарго, после чего четверо взвинтили цены на нефть, что негативно сказалось на промышленности, привело к увеличению безработицы и вызвало нестабильность на мировых финансовых рынках. Ценовое давление возникло в тот момент, когда в индустриальных странах инфляция уже и так набирала обороты, разгоняясь вслед за требованиями профсоюзов увеличить зарплаты и государственные расходы на социальные программы. В Западной Европе расходы на социальные нужды увеличивались на 7% в год, или в два раза быстрее среднего роста ВВП³².

За предыдущие полвека в индустриальных экономиках Западной Европы, Северной Америки и Японии роль правительства усиливалась. Если до Первой мировой войны государственные расходы в этих регионах составляли около 10% ВВП, то к 1980 году возросли до 43%³³. Правительственные программы требовали более высоких налогов или крупных займов, и в результате принимаемых мер в тисках оказывались граждане и предприниматели — герои тэтчеровского мира. Войдя в кабинет с мандатом от избирателей, требующих перемен, Тэтчер, пытаясь переломить ситуацию, надавила на советников, заявив: «Не говорите мне, *что* делать, я сама знаю. Лучше скажите, *как*»³⁴.

Короче говоря, Тэтчер останавливала социалистический порыв использовать руку государства для контроля над рыночным хаосом — порыв, вряд ли свойственный одним англичанам. Для сдерживания инфляции Лондон взял под контроль зарплаты и цены, но то же самое делала и администрация президента Никсона. Англия национализировала предприятия, но тем же занималась Франция и многие другие страны, даже не входившие в коммунистический блок. Вскоре после того, как Тэтчер стала премьер-министром, ряд стран Латинской Америки, включая Мексику, объявили о невыполнении обязательств по государственным долгам: к этому привели раздутый государственный сектор и неэффективные национализированные предприятия.

Требовалась исключительно мощная фигура, которая боролась бы с опасно возростающим влиянием государства на экономику. Для правительства было важно прежде всего сократить государственные расходы, взять под контроль инфляцию, устранить валютный контроль, позволить британскому фунту найти свой курс на мировом рынке, снизить пошлины и открыть страну для иностранных инвестиций,

либерализовать экономику и приватизировать национальные предприятия, а также снизить влияние профсоюзов. Позднее Тэтчер будет вспоминать важность момента и свою внутреннюю уверенность: «[Государственный деятель XVIII века и премьер-министр] Четэм сказал: „Я знаю, что могу спасти эту страну, и что никто другой не может“. <...> Признáюсь, что мой энтузиазм был основан на том же убеждении»³⁵.

С самого начала правления Тэтчер избегала компромиссов консенсусной политики, работая с членами своего кабинета или один на один с ключевыми должностными лицами. Она ненавидела само понятие консенсуса, называя его «процессом отказа от своих убеждений, принципов, ценностей и стратегий во имя чего-то, во что никто не верит и с чем никто не спорит»³⁶. Она редко выносила вопросы и даже важные экономические решения на кабинетное голосование, что для британской политики было нетипично. Она мало кому доверяла и нередко дискредитировала одного чиновника перед другим. Она наслаждалась конфронтацией.

«Леди не поворачивает!»

С первого дня на своем посту Тэтчер начала претворять в жизнь радикальные идеи Кита Джозефа, которые кардинально меняли тенденции последних сорока лет. Она отказалась от стремления во что бы то ни стало увеличить занятость и экономический рост и изменила отношение к бюджету, безжалостно урезая государственные расходы, в том числе субсидии государственным компаниям и выдачу госзаймов. Одновременно с этим Тэтчер снизила прямые налоги на прибыль, а чтобы компенсировать недостачу поступлений, подняла налог на продажи (который, разумеется, больше всего ударил по британцам с низким уровнем

дохода). Она отменила регулирование британской валюты и позволила фунту стерлингов свободно торговаться на мировых рынках. Тэтчер распустила Комиссию по ценам, которая устанавливала размеры зарплат и уровень цен в тщетной попытке сдержать инфляцию. Она напала на чиновничий аппарат, предлагая уменьшить как его размеры, так и степень влияния на политику. Отныне и впредь, *она* будет задавать направление, а чиновники — ему следовать.

Тэтчер потребовалось всего полгода, чтобы установить свое влияние, однако первые экономические показатели оказались еще более катастрофичными, чем до ее прихода к власти. К началу 1981 года экономика оказалась в еще большем упадке. Инфляция составляла 18%, безработных в стране было три миллиона. Экономический рост и конкуренция снижались. В большинстве прогнозов говорилось, что худшее еще впереди, отчасти, потому что начинался мировой спад, а отчасти, потому что фунт укреплялся. Британский экспорт получал двойной удар: мировая рецессия снижала спрос на британские товары, а сильный фунт делал их дороже на иностранных рынках. Число сторонников Консервативной партии сократилось до 30%, саму Тэтчер поддерживали всего 23%, что было худшим показателем за несколько десятилетий³⁷. Когда члены ее собственного кабинета стали выражать неудовлетворение руководством, Тэтчер произнесла фразу, которой останется верна до конца: «Тем, кто, затаив дыхание, ждет любимое журналистское словечко „кардинальный поворот“, могу сказать только одно. Хотите поворачивать, поворачивайте. Леди не поворачивает!»³⁸

После этого Тэтчер сделала один из самых смелых и противоречивых шагов: в марте 1981 года она представила преувеличенно консервативный бюджет, не учитывавший интересы народной оппозиции; государственные займы и расходы в нем были урезаны еще больше. Она утвердила детские пособия, которые не соответствовали размеру

инфляции, повысила акцизы на алкоголь, табак и бензин, ввела налоги на государственные пособия для больных и безработных. Предложить дефляционный бюджет в период спада означало отказаться от кейнсианского подхода, согласно которому в период рецессии полагалось тратить больше, и большинством консерваторов это было воспринято как издевательство. В том же месяце в совместном письме для Times 364 ведущих экономиста страны написали, что бюджет «усугубит упадок, подорвет промышленную основу нашей экономики и поставит под угрозу социальную и политическую стабильность»³⁹.

Летом в нескольких крупных городах вспыхнули беспорядки, вызванные безработицей и межрасовой напряженностью. Тэтчер стояла на своем, сравнивая Британию с пациентом, которому нужно принять лекарство, чтобы вылечиться от «болезни», и клятвенно обещала, что «правительству хватит мужества смотреть на это до конца»⁴⁰. Даже ожесточенные споры вокруг бюджета вызывали у Тэтчер восхищение. «Она восстановила свое политическое доминирование и заново обрела веру в свой курс, — писала Times. — Если она добьется успеха, это будет выдающаяся личная победа. Если нет, вина останется на ней, но ущерб и число жертв как в политике, так и в экономике будут огромны»⁴¹.

Катастрофическое положение сохранялось вплоть до мая 1983 года. Безработных по-прежнему было три миллиона, однако за четыре года экономический рост снизился на 3%, а объем промышленности — на 15%. Кроме того, резко с 34% до 40% возросла налоговая нагрузка⁴². Да, весь мир находился в рецессии, но в Великобритании дела обстояли куда хуже, чем в большинстве западных индустриальных стран, даже несмотря на открытие нефтяных месторождений в Северном море.

Однако тут в дело вмешался случай, который вознес авторитет Тэтчер на невообразимую высоту.

Война во спасение

2 апреля 1982 года диктатор Аргентины Леопольдо Галтьери неожиданно вторгся на Фолклендские острова — британскую территорию недалеко от аргентинского берега, где проживали всего две тысячи человек, в основном англичане. Историк Чарльз Мур описал это так: «Внезапно Британия оказалась в совершенно унижительном положении. Если бы миссис Тэтчер не смогла этого изменить, ей пришлось бы проститься с должностью премьер-министра»⁴³. Тэтчер встретила с военачальниками, и те заверили ее, что вернут острова. И она начала войну.

Тэтчер понимала, что ставки высоки: победа затмит недовольство бюджетным планированием, и ее обещание восстановить «величие» Британии начнет осуществляться, тогда как поражение, совершенно точно, обречет правительство на общественное порицание. Она сформировала военный кабинет и каждый день в 9.30 утра в течение десяти недель подряд проводила совещания с его членами. Она стала видным верховным главнокомандующим, под стать своему кумиру Уинстону Черчиллю.

Пока британские военные корабли находились в Атлантическом океане, за тысячи километров от Лондона, Тэтчер работала в тесном сотрудничестве с военачальниками, которые очень ценили ее способность слушать, усваивать информацию и принимать однозначные решения. Она приложила немало усилий, чтобы добиться поддержки США и стран Европы и исключения Аргентины из ООН. Ее союзники считали, что перемирие можно достичь одной только демонстрацией серьезных намерений британской армады, однако Тэтчер не собиралась вступать в переговоры до тех пор, пока Аргентина не откажется от Фолклендов. В реальности же морские бои вспыхнули еще до того, как стали возможны какие-либо переговоры, и шли в течение трех недель. К концу сражения Британия потеряла шесть кораблей, тридцать четыре самолета и 255 солдат, еще 777 человек получили ранения; Аргентина лишилась

двух кораблей, семидесяти пяти самолетов и 650 человек. 14 июня, через два месяца после вторжения, Аргентина капитулировала⁴⁴.

Военная победа сделала Тэтчер мировой знаменитостью, великой женщиной-воином. Она привлекла пристальное внимание международной общественности к тому, что Тэтчер делала внутри своей страны. В Великобритании репутация премьер-министра заметно улучшилась, так как фолклендская эпопея пробудила в британцах национальную гордость, напомнив об их извечных добродетелях: целеустремленности, ясности, высокой морали и вере в предназначение страны. Когда в день победы Тэтчер вернулась на Даунинг-стрит*, ее встретила толпа, распевая «Правь, Британия!». 12 октября 1982 года Тэтчер устроила официальный ужин, на который пригласила сто двадцать человек, вложивших, по ее мнению, самый значительный вклад в победу. Все приглашенные были мужчинами: из-за нехватки места супруги были приглашены только на послеобеденный коктейль. Когда гости отужинали и произнесли тосты, Тэтчер поднялась из-за стола. «Джентльмены, — объявила она, — не пора ли нам присоединиться к дамам?» Ее биограф Мур писал, что «это был, возможно, самый счастливый момент в ее жизни»⁴⁵.

Для Тэтчер это была грандиозная личная победа. «В современной истории Британии не было изменения более стремительного и более всеобъемлющего, — пишет Мур. — Теперь она стала полновластным командиром»⁴⁶.

Ветер в ее парусах

Приободрившись, премьер-министр продолжила реализовывать свою программу с еще большей решимостью. Во время кампании переизбрания в 1983 году она почти дословно повторила свои речи 1950 года; она

---

* По адресу Даунинг-стрит, 10 в Лондоне находится официальная резиденция британского премьер-министра. *Прим. пер.*

снова боролась за победу в «исторических выборах», предлагая выбрать между «двумя абсолютно разными укладами жизни» и получить «возможность рассеять разноликие черные тучи марксизма над нашей землей». Она снова одержала уверенную победу, так как после успешной войны ее грозные предзнаменования вновь обрели убедительность. «Мне было очень тяжело первые три года, очень, очень тяжело, — напишет она позднее. — Но после Фолклендской войны люди поняли, что мы делаем то, о чем и говорим»⁴⁷.

Второй срок Тэтчер принес экономике лучшие результаты: снизилась инфляция, выросло производство, резко возрос экспорт, экономика в Европе быстро поднималась, резко возрос импорт, на фондовом рынке начался бум. В период между 1980 и 1981 годами на протяжении шестнадцати месяцев наблюдался отрицательный прирост ВВП, однако с 1981 по 1989 год он в среднем увеличивался на 3,2%⁴⁸. Кроме того, сократились расходы по обслуживанию государственного долга. Государственные расходы в рамках растущей экономики оставались стабильными.

Одним из следствий политики Тэтчер стало разделение британской экономики на два отдельных сектора. Квалифицированные работники, особенно в сфере финансов, процветали, но те, кто терял работу в производственном секторе, переходили в низший класс. Зарплаты работавших росли, но безработица оставалась рекордно высокой, и разрыв между богатыми и неимущими увеличивался. На смену стремлению к социальному равенству, которое было так важно для послевоенных правительств, пришел социальный дарвинизм, что сильно напоминало Америку Рональда Рейгана.

Политическая оппозиция Тэтчер была по большей части разобщенной и ни на что не годной. Историк Джон Кэмпбелл описывал второй срок Тэтчер, продлившийся с 1983 по 1987 год, как «период, когда вековой политический спор между капитализмом и социализмом, казалось,

был окончательно разрешен в пользу первого. Было установлено непоколебимое моральное и практическое превосходство рынка как фактора благосостояния и эффективного предоставления государственных услуг»⁴⁹. Добившись успеха, Тэтчер стала еще большим автократом и осуществляла тотальный контроль над правительственной программой. Она реорганизовала свой кабинет, включив в него больше сторонников, и команда руководства все больше походила на послушное оружие в ее руках.

Государственная распродажа

Следующим шагом Тэтчер стала распродажа принадлежавших государству компаний. Ни у Великобритании, ни у других стран не было серьезного опыта приватизации. Политический журналист Питер Ридделл назвал этот шаг «эффектной политической инновацией международного значения»⁵⁰, которая реорганизовала промышленную структуру Британии и всю мировую культуру бизнеса. Дэниел Ергин и Джозеф Станислав считают, что это «решающая веха тэтчеризма, которая вместе с его философией окажет величайшее влияние на мир»⁵¹.

Начало было положено, когда после Второй мировой войны британское правительство запустило национализацию ключевых отраслей промышленности, чтобы приспособить производство под общественные нужды. В 1950–60-х годах британские политики были уверены, что конкуренция между частными компаниями нередко приводит к неправильным результатам: управленцы и акционеры получают краткосрочную выгоду, а работники — минимально возможную оплату труда. В теории компании, принадлежавшие государству, должны были действовать в национальных интересах, создавать лучшие условия для сотрудников, проводить инвестиции в долгосрочные проекты и защищать

важные экономические активы страны от захвата иностранными компаниями. Как оказалось, эти социалистические идеалы редко совпадали с реальностью.

Тэтчер рисовала в своем воображении новый вид капитализма, который отдавал частным лицам в собственность и жилье, и бизнес, и имущество. В 1985 году министр финансов Найджел Лоусон озвучил в своей речи цели Тэтчер, сказав, что частная собственность «принципиально важна для сохранения свободы и демократии»⁵², потому что дает гражданам «необходимое чувство принадлежности обществу» и вместе с тем «свое место в будущем — и, что не менее важно, в настоящем».

Сначала продажи шли медленно, но во второй срок правления Тэтчер процесс начал набирать обороты, подстегиваемый принципом Лоусона, что «ни одно предприятие не должно оставаться в собственности государства, если на то нет убедительной и непреодолимой причины»⁵³. В период между 1979 и 1991 годами британское правительство продало два из каждых пяти предприятий, которыми раньше владело⁵⁴. Всего новых собственников получили больше пятидесяти крупных предприятий, на которых работали примерно девяносто тысяч человек, в том числе Britoil, Enterprise Oil, Jaguar, British Telecom, British Gas, British Airways, Rolls-Royce, Объединение британских портов и Управление британских аэропортов. Сумма, которую получила королевская казна от приватизационных сделок, увеличилась в десять раз, достигнув пяти миллиардов фунтов в год. Большинство компаний были проданы в частные руки на фондовом рынке. Доля взрослого населения, владевшего акциями, выросла с 7% в 1979 году до 25% через десять лет⁵⁵.

Некоторые из этих сделок били мировые рекорды по объему первоначального публичного размещения акций, но сколь велик был размах, столь велики были и противоречия. Критики говорили, что активы продаются слишком дешево и что лондонские брокеры на них бесчестно

наживаются. Лейбористы и многие эксперты от науки утверждали, что правительство отдает государственные монополии в частные руки без антимонопольного регулирования, необходимого для защиты населения. Они также сетовали, что правительство записывало вырученные от продажи средства в текущие доходы и тратило их на насущные потребности вместо того, чтобы инвестировать в долгосрочные проекты, например улучшать качество дорог, мостов и железнодорожных линий. «Перед каждым крупным актом приватизации настроение общества было неизменно враждебным самой идее, и ничего бы из этого не вышло, не продолжай правительство идти вперед и воплощать задуманное»⁵⁶, — вспоминал Лоусон в своих мемуарах.

Ослабление профсоюзов

Еще один большой бой Тэтчер вела с профсоюзами. Профсоюзы смертельно ранили и лейбористское, и консервативное правительства в 1970-х годах, а в 1979 году парализовали страну «зимой недовольства». В середине 1980-х в схватке с самым активным из основных профсоюзов, «Национальным союзом горняков» (НСГ), Тэтчер собиралась показать, что Британией, в конце концов, можно управлять. Будучи национализированными в 1947 году, шахты ежегодно теряли по миллиарду долларов и были просто слишком большими для нужд страны. Единственным разумным выходом, по мнению Лондона, было закрыть нерентабельные шахты и существенно сократить число горняков. Председатель НСГ Артур Скаржилл отказывался признавать проблему и настаивал, что единственным поводом для закрытия шахт может служить безопасность или истощение залежей.

В свой первый срок Тэтчер избегала открытой конфронтации с горняками, неспешно сокращая им пространство для маневра. Она старалась

ограничить профсоюзам возможность ликвидировать предприятия — не члены профсоюза, избегать ответственности за причиненный ущерб во время протестов и прибегать к насилию во время забастовок. Правительство также создало единый командный центр для местной полиции и сформировало запасы угля, чтобы предприятия не останавливались в случае общенациональной забастовки.

Именно такая забастовка началась в 1984 году, когда Национальное управление угольной промышленности, не вынеся бремени множества долгов, объявило о намерении закрыть двадцать нерентабельных шахт и сократить сорок четыре тысячи горняков. Она продлилась целый год и переросла в кровавые стычки бастующих с полицией и с горняками, сохранившими рабочие места. В своих воспоминаниях Тэтчер живо описывала насилие, которое учиняли над «скэбами» — штрейкбрехерами, в том числе упомянула об избиении одного из горняков в его собственном доме и смерти другого, на чью машину с моста был сброшен бетонный блок, когда тот ехал на работу⁵⁷. Однако жестокость еще аукнется Скаргиллу, и допущенные им промахи выставят его радикальным молодчиком. Например, как-то раз ему не удастся организовать голосование для проведения забастовки, как того требовал устав профсоюза, и он обратится за финансовой помощью к ливийскому диктатору Муаммару Каддафи, к французским коммунистам и даже к советским источникам. Информация об этом попадет в британские таблоиды.

Для Тэтчер борьба с шахтерами была новой Фолклендской войной, и она была полна решимости добиться безоговорочной капитуляции своего врага. Она собрала подобие военного кабинета и начала тайно направлять действия Национального управления угольной промышленности, которое по закону было независимой организацией. Вместе с ближайшим окружением она тайком заводила дружбу с другими профсоюзами, которые потенциально могли поддержать шахтеров,

подкупала их лидеров, подговаривала управление угольной промышленности выплачивать горнякам, которые решат вернуться к работе, большие премии, прикладывала усилия, чтобы не допустить компромисса между управлением и профсоюзом, и гарантировала, что члены профсоюза, нарушившие закон, будут привлечены к уголовной, а не административной ответственности.

Тэтчер комментировала противостояние в свойственной ей мрачной манере, особенно после того, как ей удалось избежать взрыва бомбы, предположительно подложенной Ирландской республиканской армией в отеле, где она останавливалась. «На одной стороне спектра у нас банды террористов внутри наших границ и государства-террористы извне, которые их финансируют и вооружают, — говорила она. — На другой — в нашей системе — орудуют жесткие левые, прикрывающиеся властью профсоюзов <...>, чтобы не подчиняться законам и подрывать их»⁵⁸. Не оставалось никаких сомнений в том, что она намерена сокрушить обе эти силы.

Со временем забастовка утратила свою остроту, в основном потому, что Скаргилл начал ее, когда запасы угля уже были высокими, а с окончанием отопительного сезона отпала необходимость в их пополнении. Правительственные запасы обеспечили заводам бесперебойную работу, а централизованное управление полицией помогало сдерживать агрессию. 3 марта 1985 года правление профсоюза вопреки Скаргиллу проголосовало за прекращение забастовки. Тэтчер вышла из своей резиденции на Даунинг-стрит и объявила о победе горняков, сохранивших работу. Рабочее движение раскололось, и к 1990 году число членов профсоюзов сократилось на 25%, а количество официально зарегистрированных забастовок стало самым низким за последние 55 лет⁵⁹. В результате изменился сам принцип взаимоотношений рабочих, менеджмента и правительства. Тэтчер сформулировала его так: «Факт того, что

забастовка потерпела поражение, означал, что левым фашистам не под силу сделать Британию неуправляемой. <...> Они проиграли и тем самым продемонстрировали, насколько взаимосвязаны свободная экономика и свободное общество. Этот урок мы должны запомнить»⁶⁰.

Освобождение Сити

Серия побед дала невероятный политический заряд тэтчеризму, который подхватили министры. Особенно ярко эта тенденция проявилась в кампании по борьбе с бюрократическими процедурами, которая в 1986 году привела к «большому взрыву»: дерегулированию финансового центра Лондона — Сити.

Великобритания была мировым финансовым центром как на протяжении большей части XIX века, так и в XX веке. Несмотря на то что после Первой мировой войны США затмили Британию своей экономической силой, лондонский Сити долгие годы удерживал мировое финансовое первенство хотя бы потому, что Уолл-стрит находилась на периферии, и американцы больше занимались развитием внутреннего рынка. Сити оставался важной опорой британской экономики: его финансовые услуги в 1985 году обеспечивали 10% ВВП и 10% занятости⁶¹.

Когда Тэтчер пришла к власти, экономисты были обеспокоены, что Сити может столкнуться с угрозой со стороны конкурировавших с ним финансовых центров. Соединенные Штаты Америки, Швейцария, Германия и Япония отказывались от законов, которые держали финансистов в ежовых рукавицах. Инвесторы и компании выходили на мировой рынок, вкладывали средства в разных странах, искали лучшие места для ведения бизнеса. Повышение в середине 1970-х годов Организацией стран — экспортеров нефти (ОПЕК) цен на нефть принесло огромное богатство нефтедобывающим государствам,

которые теперь искали направления для инвестиций за пределами своих крошечных внутренних рынков. По мере того как финансовая глобализация набирала обороты, государства спешили либерализовать рынок, чтобы успеть повернуть в свою сторону иностранные денежные потоки, и британским политикам казалось, что в этой гонке они проигрывают.

Действительно, Сити представлял собой старое тесное сообщество, которым управляли выпускники Оксфорда и Кембриджа, он подчинялся правилам, не работавшим в новой основанной на конкуренции эпохе. Правительство Тэтчер собиралось отменить правила, которые жестко и без всякой необходимости разграничивали различные виды деятельности в рамках Лондонской фондовой биржи, устанавливали размеры комиссий с продажи акций и облигаций и запрещали иностранным компаниям приобретать основные британские банки и брокерские компании. Кроме того, правительство было готово ввести более строгие требования к профессиональному поведению, разглашению информации и выявлению случаев мошенничества.

Результат превзошел все ожидания. Всего за несколько лет большинство ведущих британских компаний были куплены американскими, швейцарскими и японскими компаниями, обслуживавшими клиентов по всему миру. Лондон начал привлекать самых талантливых европейцев и превратился в мировую столицу торговли евро, несмотря на то, что Европейский центральный банк (выпускавший евро) находился во Франкфурте. Лондонский Сити стал новатором в области финансов, производных финансовых инструментов и хедж-фондов, а также центром первичного публичного размещения акций развивающихся рынков, таких как Россия, Венгрия и Польша. Кроме того, Сити доминировал на валютном рынке, ежедневно проводя операции на 3–4 триллиона долларов. С появлением нового поколения высокооплачиваемых

банкиров, юристов и бухгалтеров, новых офисных зданий и модных ресторанов благосостояние Лондона стремительно росло. Лондонский Сити, прежде занимавший площадь в одну квадратную милю, разросся до предместья Канэри-Уорф. Именно здесь был разработан исчерпывающий комплекс новых правил, которые служат образцом и в XXI веке. Нью-Йорк также стал мировым финансовым центром, но в США до сих пор не утихают споры о том, как Лондону удалось вырваться вперед и что теперь делать Вашингтону и Уолл-стрит.

Истощение и потеря власти

В 1987 году Тэтчер переизбралась на очередной срок, прочно закрепив принципы своей революции в структуре британского общества и менталитете граждан. Однако она становилась все более авторитарной и все чаще делала опрометчивые шаги. Одним из них стала замена налогов на недвижимость регрессивным подушевым налогом. Другим — крайне враждебное отношение к новым финансовым договоренностям Европейского союза, которые решительно поддерживали даже преданные ей советники.

В экономике начался спад. Вернулась инфляция. Было ясно, что даже Железной леди не под силу отменить циклы деловой активности. В 1989 году, через десять лет после вступления Тэтчер в должность, статистика показывала, что только 37% британцев считали, что их страна стала лучше. Ее рейтинг упал до самого низкого уровня с 1981 года и мог сравниться лишь с непопулярностью премьер-министра Невилла Чемберлена, заключившего в 1938 году позорное Мюнхенское соглашение с Гитлером⁶². В ноябре 1990 года, когда Тэтчер начали противостоять даже члены партии, она, предчувствуя скорое поражение, решила подать в отставку. «Все британцы помнят, где находились в тот момент,

когда Маргарет Тэтчер ушла в отставку в 1990 году, — писал член парламента от консерваторов Дэниел Ханнан. — Это был наш эквивалент убийства Кеннеди»⁶³.

Вклад

Премьер-министр Тэтчер стала баронессой Тэтчер, прожила до восьмидесяти семи лет и скончалась от инсульта 8 апреля 2013 года. На ее похоронах присутствовали известные высокопоставленные лица, в том числе королева Елизавета, которая впервые после смерти Черчилля появилась на похоронах премьер-министра страны.

Споры о вкладе Маргарет Тэтчер в историю не утихают и по сей день. За время ее долгого пребывания во главе правительства основные статистические показатели роста ВВП, инфляции и уровня безработицы сильно колебались, поэтому в зависимости от выбранного периода можно нарисовать любую картину. Ведутся споры о социальных последствиях ее деятельности и о том, были ли улучшения в экономике заслугой ее внутренней политики или результатом изменений к лучшему мировой экономики. Возможно, Англия достигла бы тех же успехов и без Тэтчер.

Однако есть несколько достижений, которые трудно оспорить.

Когда Тэтчер заняла пост премьер-министра, рост экономики был отрицательным, во время ее премьерства в норме был умеренный рост. Государственные расходы сократились с 23% до 20%⁶⁴, а государственный долг уменьшился с 50% до 30% ВВП⁶⁵. За время ее пребывания на посту инфляция снизилась с 11% до 7%, однако существенно выросла безработица⁶⁶. С 1955 по 1979 год безработица в Британии составляла в среднем 3,3%; с 1980 по 1995 год — 9,7%⁶⁷. Значительно сократилась доля промышленных предприятий, принадлежавших государству,

но тысячи предприятий обанкротились. В результате экономического роста, возросшего потребления и укрепления национальной валюты увеличился дефицит торгового баланса. Предприятия обрабатывающей и горнодобывающей промышленности сильно пострадали из-за рабочих волнений, но в конечном итоге производительность труда увеличилась. Росло предложение финансовых услуг, но приобретали их в основном иностранные банки. Были значительно упрощены и снижены ставки подоходного налога, некоторые из них снизились вдвое⁶⁸.

Будет справедливо отметить, что революция Тэтчер создала более конкурентоспособную и жесткую нацию. Она говорила, что проводила «шоковую терапию», но, как писал Джон Кэссиди в *New Yorker*, это был только шок и никакой терапии⁶⁹. Полностью полагаясь в вопросах роста экономики на рыночные силы, Тэтчер впустила в страну принцип «победитель получает все», при котором люди, которым не хватало образования, навыков или социальных связей, страдали больше остальных. Тэтчер не была заинтересована помогать низшему и среднему классам и не церемонилась в этом вопросе. В интервью 1987 года она сказала:

«...слишком много детей и людей научились думать: „У меня проблема, пусть ее решает государство!“ <...> и перебрасывать свои проблемы на общество. А общество — это кто? Нет такого понятия! Есть мужчины и женщины, есть семьи, и никакое правительство ничего не может сделать без людей, а люди прежде всего заботятся о себе»⁷⁰.

После смерти Тэтчер мнения мировой общественности о ее вкладе разошлись. Тэтчеризм называли одновременно «самым популярным и успешным способом управления страной»⁷¹ той эпохи и «культом алчности»⁷², который скорее сковал, чем освободил человеческие

умы. Каким бы ни был вердикт, ни у кого нет сомнений в том, что она была самым сильным премьер-министром Британии со времен Черчилля и что она изменила культуру и темперамент нации на многие поколения⁷³. Лучше всего об этом сказал ее официальный биограф Чарльз Мур: «Многие думают, что она спасла Британию, многие — что она ее уничтожила»⁷⁴.

* * *

В то время, когда Тэтчер стала премьер-министром, социализм с его доктриной национализации предприятий, всеохватывающего госрегулирования и центральной роли профсоюзов в жизни общества строился уже на протяжении многих лет. Начало было положено несколькими событиями: революцией 1917 года в России, которая проповедовала крайнюю форму социализма — коммунизм; усилением роли государств, вынужденных вмешаться в дела терпящей крах экономики во время Великой депрессии; необходимостью государственного управления отраслями экономики во время Второй мировой войны и необходимостью участия правительств в восстановлении своих стран после Второй мировой войны. Столь долгий период активного вмешательства государства в национальную экономику породил взгляды, одобрявшие усиление правительственного контроля над торговлей, и стал причиной формирования закрытого общества. Тэтчер сломала эти преграды, и мощные торговый и денежный потоки устремились во все стороны света, вновь связав Британию с остальными странами. Дав обратный ход социализму в стране, на которую смотрел весь мир, она первой доказала, что это возможно, в то время как большинство продолжало придерживаться мнения, что рост роли правительства в регулировании деятельности частного сектора неизбежен. Многие страны, обратившиеся к социализму, последовали ее примеру.

Тэтчер не была автором этих идей; ее талант заключался в способности уловить важные принципы и, прежде всего, упростить их настолько, чтобы они могли поднять общество на проведение радикальных реформ. К концу 1980-х годов уверенная и ясная политика Тэтчер способствовала тому, что одна за другой различные страны начали выражать недовольство политикой социализма: государства Западной Европы; Мексика, Бразилия и Аргентина; Япония, Индия и страны Азии; Венгрия, Польша и другие государства бывшего Восточного блока. В России перестройка, инициированная Горбачевым, несомненно, испытала влияние тэтчеризма. И в Китае Дэн Сяопин начал открывать страну ветрам мирового рынка, когда Тэтчер была у власти.

Примечательно еще и то, что сокращение размера правительства, проводимое Тэтчер в течение нескольких лет, сопровождала та же тенденция и в мире. По данным исследования, проведенного в сорока трех крупных индустриальных странах, в период между 1980 и 1998 годами общий объем государственных расходов снизился с 19,3% до 16,3% ВВП⁷⁵. К тому же почти все страны, национализировавшие промышленность после Второй мировой войны, в конечном итоге сменили курс и скопировали модель Тэтчер. В 1990-х годах Россия, Индия, Япония, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Филиппины, Шри-Ланка, Сингапур, Польша, Турция и другие государства запустили программу приватизации. В течение пятнадцати лет от начала великой британской приватизации правительства других стран реализовали государственных активов на сумму более ста миллиардов долларов. Франция продала Renault, Германия — Lufthansa, Италия — нефтяную компанию ENI⁷⁶. «У одних получалось лучше, у других хуже, — писал Economist, — но все они оглядывались на пример Великобритании»⁷⁷.

К середине 1990-х годов свод правил экономической политики, который продвигала Тэтчер, был переименован в Вашингтонский

консенсус⁷⁸. Администрация Клинтона начала активно проповедовать этот подход для развивающихся стран, в том числе для стран бывшего Советского Союза. США настаивали, чтобы эти государства формировали бюджет, отказывались от регулирования промышленности, продавали госактивы, меняли условия труда и отпускали валюту в свободное плавание. Многие страны поверили в то, что уменьшение роли государства ведет к расширению рынка и расцвету индивидуального предпринимательства. Последовав примеру Тэтчер, уделявшей внимание экономическому росту, а не экономическому перераспределению, они ставили перед собой цель сбалансировать экономику так, чтобы она росла, а не пребывала в стагнации. Они разделяли убеждение Тэтчер, что роль государства следует сокращать одновременно с разрушением торговых барьеров, снижением госрегулирования и степени национализации, что позволит упростить внутренние и международные коммерческие операции. Эти рассуждения Тэтчер стали стероидами глобализации.

* * *

В новом веке штормовые ветра глобализации создают множество новых проблем, для которых имеющиеся решения кажутся совершенно неподходящими: это и растущее неравенство, и быстрое старение общества, и ухудшающееся качество государственных услуг, и снижающаяся социальная поддержка населения, и многочисленные кризисы финансовых систем, и серьезные экологические проблемы. Все эти дестабилизирующие тенденции создают возможность для появления интервенционистских режимов и международных учреждений, которые так ненавидела Тэтчер. Например, сегодня политическая культура в Китае, России, Индии, Бразилии и странах Персидского залива не отрицает государственной собственности на предприятия, банки

и инвестиционные компании. В ответ на мировой финансовый кризис 2008 года все крупные страны, включая США, Великобританию и Японию, ввели обширные новые правила для банков. В условиях экономического спада эти же страны увеличили роль правительства ради стимулирования экономики. И здесь возникает большой вопрос: уйдет ли тэтчеризм?

Я отвечаю так: дело Тэтчер прочно укоренилось в истории, и хотя края его могут затупиться, сложно представить возникновение фундаментально нового направления⁷⁹. Достаточно сравнить современный мир с тем, каким он был незадолго до прихода к власти Железной леди. В то время большинство национальных валют не участвовали в свободной торговле; сегодня ни у кого не возникает мысли вернуться к этому. Тогда профсоюзы оказывали большое влияние на управление компаниями; сегодня мы не видим ничего подобного. Не существовало и международного органа, способного пресечь ввод заоблачных пошлин или выделение чрезмерных субсидий; сегодня у нас есть строгий международный полицейский в лице Всемирной торговой организации.

И все же стоит подумать не только о природе революции, которую устроила Тэтчер, но и о ее конечном результате. Все признают, что устранение барьеров в торговле укрепило связи между странами и сделало глобализацию такой, какой мы ее видим сегодня. Большинство экономистов свято верят в то, что новые каналы подстегнули мировой экономический рост, расширили индивидуальные возможности и в целом принесли немало пользы. Широко признается и тот факт, что эти тенденции сказываются также на росте безработицы и увеличении социального неравенства. Сейчас становится все более очевидным, что свободная рыночная экономика может сделать мировую систему уязвимой. Рынки неспособны саморегулироваться, что и продемонстрировал обвал 2008 года. Рынки могут формировать стабильные каналы поставок,

но эти каналы легко обрываются под действием форс-мажорных обстоятельств, как, например, в случае с цунами 2011 года в Таиланде, которое поставило под угрозу мировую компьютерную индустрию. По сути, та взаимосвязанность, которую поощряла политика Тэтчер, породила новую необходимость в «подкладывании подушек» — создании резервов, излишков и планов на случай непредвиденной катастрофы, другими словами, необходимость в большем участии государства.

Так проявляется парадокс нашего времени: большие угрозы — глобальное потепление, мировые финансовые, экономические и гуманитарные кризисы — показывают, что Жан Монне был, скорее всего, прав, говоря о необходимости создания надгосударственных инстанций. Ни одно государство не располагает достаточными ресурсами и не обладает достаточным влиянием, чтобы успешно справиться с этими проблемами. В то же время сегодня одними из самых насущных внутренних экономических задач для большинства развитых стран являются погашение крупных задолженностей, налаживание эффективного предоставления основных услуг и, самое главное, создание высокооплачиваемых рабочих мест. Многие правительства не справляются с решением этих задач, вследствие чего проблемы распределения ресурсов среди разных слоев населения, в том числе между разными поколениями, порождают политические конфликты. Как любила говорить Тэтчер, снижению контроля государства и развитию рынков «альтернативы нет».

Что делать с этими двумя, казалось бы, непримиримыми императивами? Тэтчер предложила философию управления, которая решала проблемы ее времени. Ее подход мог бы и сегодня сыграть роль трамплина в будущее, особенно в эпоху столь быстрых технологических изменений, когда важны скорость и гибкость. Но одного тэтчеризма мало. Будущее глобализации — это разумный баланс между частным и общественным, между конкуренцией и сотрудничеством, между рынком

и государством, между тем, что страны могут сделать самостоятельно, и тем, что они должны сделать все вместе, другими словами, между Тэтчер и Монне. Но точно одно: учитывая экономическое и социальное давление, которое возникает в мире — медленный рост экономики, неравенство доходов, высокий уровень задолженности государственного сектора, — основные споры сейчас касаются роли, целей и функций государства⁸⁰. Спор может оказаться нескончаемым. Эти вопросы лежат в основе управления процессами глобализации, а идеи и политика Маргарет Тэтчер всегда будут рядом с центром этих жарких дискуссий.

Глава IX

Эндрю Гроув

*Человек, стоявший за третьей
промышленной революцией*

1936–2016

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Mifbooks

Mifbooks

Mifbooks